

«ДИВЕРСАНТЫ» ИЗ «ОРМЕДЬЗОЛОТО»

Обреченные на забвение

*Нет, не пристала грязь, клевета
К тем, у кого совесть чиста!
Имя вернулось, стерто клеймо.
Их оценило Время само!*

На тех, кто занимал командные посты на Блявинской ново-стройке с первых её дней по 1937-й, многие годы лежало чёрное клеймо врагов народа, диверсантов, членов контрреволюционной троцкистско-фашистской группировки. Официальная историография называла их почти два десятилетия не иначе как антисоветскими элементами, обречёнными на проклятие.

Их, безвинно расстрелянных или заключённых в тюрьмы, действительно, проклинали те, кто был под гипнозом сталинской авторитарности, безгранично слепо верил в вождя. Даже после смерти «врагов народа» на них списывали просчёты, ошибки, к которым они не имели никакого отношения. Тень очернительства легла и на семьи репрессированных. Их жёны, близкие родственники прошли сквозь жуткие истязания тюремной жизнью, их дети были брошены на произвол судьбы.

В 1937 году только здесь, на строительстве «Ормедьзолото», 20 работников стали мишенью провокационной кампании сталинизма. Среди репрессированных - начальник строительства Бронислав Юльевич Кудиш, главный инженер Павел Павлович Евангулов, главный металлург и заместитель главного инженера Григорий Константинович Маковский, директор рудника Борис Маркович Цивин, горный инженер Борис Андреевич Шейкин,

главный строитель Георгий Александрович Кузьмин-Караваев, начальник лесного отдела комбината Нисон Наумович Разумовский и многие другие.

В жерновах массовых репрессий по Оренбургской области погибли или искалечены 24 тысячи человеческих жизней. 7326 человек приговорены к расстрелу. Почти все они реабилитированы после XX съезда партии. Восстановлены и добрые имена всех блявинских строителей. Но многие годы здесь даже после реабилитации репрессированных невозможно было найти их фотографий, документов. Они были изъяты из комбинатского и городского архивов. Те, кто проводил «большую чистку» советского общества от инакомыслящих, постарались, чтоб памяти о них, жертвах произвола, не осталось.

Старания медногорских краеведов, заведующих городским музеем отыскать материалы о представителях главной интеллектуальной силы «Ормедьзолото», об интеллигенции Блявинской ударной стройки были безрезультатны. Но неудачные поиски не погасили желания донести правду о людях, чей вклад в строительство комбината и города велик: спроектированные и построенные «диверсантами» объекты - производственные корпуса, железная дорога, соединяющая комбинат со станцией, Сакмарский водовод, дома, школы в Ракитянке и в городе - до сих пор работают, служат примером качества, надёжности во времени.

Это они, пионеры стройки, взяли на себя смелость освоить технологию, какой прежде не существовало, и получить из блявинской руды не только медь, но и газовую серу, в которой остро нуждалась оборонная химическая, фармацевтическая промышленность.

В 30-е годы природная сера добывалась лишь в пустыне Каракумы, в 200 километрах от Ашхабада. Себестоимость ее была высокой, поскольку сырье доставлялось на переработку самолетами. Дефицит серы тормозил развитие многих отраслей народного хозяйства. Вот почему с энтузиазмом и верой в успех работали на ударной комсомольской стройке первостроители. Они были близко у цели. Но радости победы - пуска комбината - им испытать не довелось.

Поиск канувших в Лету

В 1992 году, когда создавался музей истории Медногорского медно-серного комбината, мною, тогда - заведующей музеем, была сделана еще одна попытка разыскать материалы о репрессированных комбинатовцах. Но командировка в областной архив ничего не дала. В 1994 году я обратилась в областной центр документации истории современности - бывший партийный архив. Здесь нашли лишь карточки партийного учета Бронислава Юльевича Кудиша и его преемника Константина Ивановича Дука, возглавлявшего строительство после ареста начальника «Ормедьзолото», но через два месяца тоже репрессированного.

Карточки партучета были, увы, без фотографий. А так хотелось взглянуть на лица опальной и самой первой интеллигенции нашего города.

Здесь, в центре новейшей истории, мне посоветовали обратиться в архив областной прокуратуры, а работники юстиции - в Федеральную службу контрразведки по Оренбургской области: «Вот уже несколько лет как архивы бывшего КГБ рассекречены. Возможно, дела там ...»

Много дорог по Оренбургу было исхожено, пока нашла источник информации. Он находился в большом сером доме, что стоит на перекрестке улиц Кирова и 9-го Января, улиц с трагичной исторической окраской. Здесь хранятся тысячи толстых томов, на страницах которых - гриф «Совершенно секретно».

Но опять же, прежде чем коснуться этих документов, пришлось немало похлопотать. Поначалу мне, заммузеем истории, в приеме было отказано. Дежурный у дверей сказал, что нужно делать запрос, прежде, чем работать в архиве. Пройти в один из кабинетов службы контрразведки мне все же помогли моя природная настойчивость и удостоверение члена Союза журналистов России.

В первую встречу с майором подразделения Вячеславом Алексеевичем Хариным узнала о том, что дело о Кудише в архиве этой службы имеется. А вот о Дуде - нет.

- Познакомить Вас с материалами архива мы можем только с разрешения родственников репрессированного, - сказали мне. О родственниках Кудиша я тоже еще ничего не знала.

- Что же делать? Неужели вы не поможете коллективу нашего предприятия и жителям нашего Медногорска узнать истинную правду о репрессированных руководителях «Ормедьзолото»?

Похоже, нотки отчаяния, прозвучавшие в вопросе, разбудили в майоре Харине чуткость, и он подсказал:

- Пишите письмо на имя генерал-майора нашей службы от имени администрации предприятия. Ведь Вами движет добрая цель: пополнить музей. А были случаи, когда родственники репрессированных обращались к документам для того, чтобы узнать фамилии сотрудников НКВД, которые вели дело и отомстить им или доносчикам.

И я поняла, почему так строго ограничен доступ к архиву бывшего НКВД-КГБ.

Но после письма-запроса администрации ООО ММСК о разрешении поработать в архиве контрразведки мне и еще двум представителям комбината - кинооператору народной киностудии «Металлург» Геннадию Андреевичу Быстрицкому и фотографу Рудольфу Александровичу Карнаузову - доступ обеспечили... через два месяца.

Итогом совместной работы стали десятки фотографий репрессированных, интервью с генерал-майором контрразведки, снимки и видеозапись поклонения оренбуржцев памятнику жертвам сталинизма в оренбургской Зауральной роще - месте расстрела «врагов народа», короткометражный фильм «Госзаказ на отстрел» по материалам архивных документов и свидетельствам медногорских очевидцев репрессий, лично знакомых с первыми лицами «Ормедьзолото».

Тот берущий за душу фильм демонстрировался в ноябре 1994 года по городскому телеканалу «Логик». Перед началом его сообщалось: 25 ноября 1994 года исполняется 100 лет со дня рождения Бронислава Юльевича Кудиша - первого организатора Всесоюзной ударной стройки на Бляве, начавшего с первых колышков строительство медно-серного комбината и города металлургов.

Эта информация до боли сжимала сердца у ветеранов, переживших тридцатые годы, и многих наводила на мысль: нет, это не случайное совпадение - 100-летний юбилей Кудиша и... открытие для медногорцев секретных документов! Похоже, само Небо распорядилось отметить столетие первого руководителя ударной стройки: назвать его имя, показать его облик, снять позорное клеймо...

Тот фильм прокручивался несколько раз, а благодарные телезрители

Начальник строительства
«Ормедьзолото» Б.Ю.Кудиш

просили еще и еще включать его в программу местных телепередач.

Жаль, что фильма у нас, авторов, не осталось. После закрытия в 1996 году телеканала «Логик» все архивные материалы бесследно исчезли...

К счастью, сохранились очерки, опубликованные в 1994 году в нескольких номерах газеты «Медногорский рабочий», да три общих тетради, куда записывала факты из архивных документов. Мне удалось собрать огромный материал. Хочется, чтоб он не затерялся, чтоб медногорцы знали истинную правду о первостроителях бывшей ударной комсомольской стройки.

Трудно передать те чувства, которые испытала, прикоснувшись к серым многостраничным томам дела. Цифры, большие и черные, на первой обложке словно таили в себе что-то зловещее, разрушительное.

Прежде чем знакомиться с делом, извлекла из него фотографию арестованного Кудиша - малоизвестного мне, но давно сердцем принятого. Вот Вы какой, Кудиш... Ясноглазый, круглолицый, широколобый. О таких людях говорят: «С печатью интеллекта».

Фотография запечатлела усталость, подавленность и даже скорбь мучительных раздумий. Вам всего 43... Возраст расцвета сил, опыта. А Вы - в застенках. И, наверное, поняли, что без конвоя Вам уже никогда не пройти ни по одной дороге матушки-России.

Фотография застыла в моих руках надолго.

Беззвучный монолог перед снимком с тюремным номером

Что мы, медногорцы, знаем о Вас, Бронислав Юльевич? Юные, наверняка, ничего - прошлые уроки истории их пока не волнуют.

Возможно, те, кто родился в 30-х - 40-х, кое-что все же слышали о Вас. А вот старое поколение медногорцев и блявинские старожилы Вас помнят. Для них Вы - уважаемая личность. Энергичная, работоспособная, грамотная, интеллигентная.

Вы, приехавший в 1933 году из Москвы по назначению самого наркома Серго Орджоникидзе, были очень не похожи на местных блявинских жителей своей исключительной обаятельностью. Говорят, что Вы всегда ходили при галстукке, в кожаной кепке, клетчатом заграничном костюме 58 размера и в хромовых, до блеска начищенных сапогах. Там, где проходили Вы, народ внутренне подтягивался, зная Ваше строгое отношение к порядку и чистоте. Потом Вы удивили всех, когда на Бляву приехали иностранцы - представители фирмы «Оркла», у которой для строящегося комбината «Ормедь» Наркомтяжпром СССР собирался купить технологию. Вы говорили с зарубежными гостями без переводчика! Ваш авторитет в глазах сельчан не просто вырос - взлетел!

Когда краевая газета «Волжская коммуна», приходившая в Бляву, опубликует статью о Вас, как о бывшем дипломате, возглавившем новостройку, обещающую открыть новую эру в отечественной цветной металлургии, народ узнает - откуда у Вас столь хорошее знание языка.

Нет, высота Вашего положения не сделала из Вас гордеца. Вы были просты в общении с людьми. Ваш кучер Барановский будет до конца дней своих с гордостью вспоминать, что не раз обедал в Вашем доме с Вами за одним столом, что ваша жена - рыжая красавица, словоохотлива и гостеприимна. Бывший ученик юриста «Ормедьзолото», потом - опытный юрист ММСК Иван Харитонович Смолягин все свои 55 лет работы на МСК будет рассказывать, что у Вас, Бронислав Юльевич, был особый стиль работы: требовать, не повышая голоса, уважая человеческое достоинство. От Ивана Харитоновича Смолягина, ныне покойного, мне доводилось не раз слышать рассказы о Вас. Очень запомнилась ему встреча с Вами 7 ноября 1935 года в мастерской его отца - лучшего столяра стройки. Ранним утром того дня трагически погиб на железнодорожном переезде парторг «Ормедьзолота» Николай Маркович Никитин (его водитель не заметил движущегося поезда).

В тот день Харитон Смолягин получил срочный заказ - изготовить гроб. Работал столяр усердно, старательно, забыв про обед. И когда сын Харитона принес ему узелок с харчами, почти следом за ним появились в столярке и Вы. Тяжело переживающий трагедию, Вы закурили еще за порогом мастерской и вошли с папиросой во рту. Старый столяр, некурящий, возможно, уставший от интенсивной работы и потому несколько взвинченный, сделал Вам не очень корректное замечание: «Брось папиросу, потом - заходи! Правила пожарной безопасности соблюдать надо!». Нет, Вы не обиделись на невыдержанность субординации. Вы протянули столяру руку, по-мужски пожали ее и сказали, что уважаете людей мастеровых, да еще и прямолинейных.

От того же И.Х.Смолягина я узнала, что напряженный ритм стройки требовал от Вас высокой самоотдачи и зачастую неординарных решений, высокой ответственности.

В 1935 году в один из дней, когда стояли крепчайшие уральские морозы, на комбинат сообщили по телефону из Оренбурга: «Встречайте эшелон вербованных на стройку из Самары и Пензы». Сообщение было настолько неожиданным, что в управлении растерялись: куда принимать людей? Бараки, землянки переполнены. И почему от тех, кто вербовал, не поступило опережающей информации? Но тратить время на возмущение и переговоры с теми, кто подвел Вас, Вы не стали - через несколько часов нужно было принять людей, дать им крышу над головой, защитить от коварных морозов и метелей. На свой страх и риск Вы даете приказ: «Срочно освободить две кошары в Заречном, где находится комбинатское подсобное хозяйство, рогатый скот, телята. Продезинфицировать помещения, поставить печки-«буржуйки» и обеспечить подвоз продовольствия. Места для ночлега устелить свежим сеном, соломой, а скотину вывести под навес».

Да, Вы спасли людей от холода и метели, но несколько телят замерзли. Кто-то из ярых защитников «социалистической собственности и государственных интересов» поставил этот падеж скота Вам в вину. И сам факт «бесхозяйственности» решил широко обнародовать. На шумном собрании народ защитил Вас.

- Неужели скот дороже людей?! А если б замерзли мы?! - говорили вербованные.

- Мы не в обиде. К тому же нас быстро расквартировали.

Я знаю, Бронислав Юльевич, как много горьких минут Вы пережили из-за того, что старались привить на стройке порядок, культуру. Начали с конторы. Чтобы избавиться от извечной здесь грязи, что приносили с собой на сапогах прорабы, начальники участков, Вы настойчиво предложили им носить калоши на ботинках и сапогах. Вместе с калошами оставлять грязь у входа в контору. И заблестели чистотой кабинеты управления. Но в Вашем стремлении к порядку и чистоте кто-то увидел «барские замашки» и настроил письмо в одну из вышестоящих инстанций. К счастью, этому не придали большого значения, хотя письмо партийцы обсуждали.

Порядком, чистотой на строительстве «Ормедьзолото» восхищался побывавший здесь в 1935 году академик Александр Евгеньевич Ферсман: «Рабочие помещения производят неизгладимые впечатления. Большие комнаты, скорее дортуары, чем казармы. В спальне все кровати - с пружинной сеткой, чистые матрацы, простыни и одеяла. Все чистое и белое. Такая изысканная чистота в столовой. Образцовый порядок имеет огромное воспитательное значение... Строительство города и завода еще только началось, а школы уже построены».

Конечно, такие оценки Вам, наверняка, придавали сил. Вас нередко вдохновляла пресса, рассказывая о строительстве на Бляве как образцовом!

Сам Серго Орджоникидзе ставил «Ормедьзолото» в пример соседям - Никельстройю. И это известно. Как же можно было за всем тем, что сделано Вами, увидеть врага народа?

В моем представлении с детства Вы - добродетельный человек. Самый первый штрих к Вашему портрету внесла родная сестра моей мамы - Нина Петровна Клоченко, повар блявинской столовой, где Вы нередко обедали. Она всегда говорила о Вас с таким состраданием, с каким говорят о великомучениках: «Какого человека погубили!».

Те же нотки сострадания и скорби я слышала не раз, когда расспрашивала очевидцев тех дальних событий на Бляве, тех, кто знал Вас и слышал о Вас еще ребенком от родителей и соседей, а потом, в тридцать седьмом, когда на школьных уроках Вас объявили врагом народа, не поверил этому...

Бывшие блявинские школьники, уважаемые в городе ветераны медно-серного: Николай Степанович Шустов, Иван Евлампьевич Леонов могли подолгу рассказывать о Вас, Бронислав Юльевич, в тонах добрых и уважительных.

Еще одним богатым источником информации о Вас и соратниках ваших стала для нас, медногорцев, книга оренбургского писателя В.Г.Альтова «Медногорск», изданная в 1989 году - в год полувекового юбилея города. По сути, В.Г. Альтов первым после реабилитации всенародно оправдал Вас, старого большевика, образованного человека, друга известного дипломата Чичерина. Книга убедила, каких огромных человеческих усилий потребовала от Вас стройка! Но читатель так и не увидел Вашего лица, не узнал подробностей, предшествовавших большой трагедии на строящемся предприятии.

Что же нового я узнаю о Б.Ю.Кудише из этого дела, которое, как известно теперь, сфальсифицировано? Что же вменяли ему и соратникам его в вину?

Дело № 2790

«СССР. НКВД. Управление по Оренбургской области.

Дело № 2790 по обвинению Кудиша Бронислава Юльевича по статьям 58/а, 58-8, 58-9, 58-9 и II Уголовного Кодекса РСФСР».

Что это за статья? Шпионаж, диверсии, создание контрреволюционной организации.

Первые страницы дела... Постановление об аресте, ордер на арест за номером 761 от 30 марта 1937 года, постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения: «Б.Ю.Кудиш достаточно изблещается в том, что является участником контрреволюционной вредительско-шпионской организации, был завербован в нее министром финансов Пятаковым, по заданию которого проводил подрывную работу».

О самой подрывной деятельности - ничего конкретного. Из протокола обыска и ареста узнаю: Б.Ю.Кудиш был арестован в Москве по Ананьевскому переулку, дом №7, квартира 55 в собственной квартире, которая за ним сохранилась после его назначения в Бляву.

Опись конфискуемого свидетельствовала: у него были изъяты партбилет, удостоверение, выданное Народным комиссариатом тяжелой промышленности, бельгийский браунинг с шестью патронами, партийное и личное дело, записные книжки, книга Троцкого «Дело было в Испании», фотографии, деньги в сумме 50 рублей и чемодан, с которым он приехал из Блявы. А в чемодане - деревянная трубка, старый кисет, футляр для зубной щетки, галстук, пять воротничков, подтяжки, подвязки, нарукавные металлические резинки, четыре запонки - груз далеко не шпионский...

Но улики против Кудиша активно искались и в доме на Бляве. Второго марта здесь побывали работники НКВД. А уходя, забрали с собой все телеграммы от разных лиц на имя Кудиша, всю «входящую и выходящую переписку», удостоверение стахановца золотой промышленности на имя Кудиша, абонентно-телефонную книжку-карманку, книгу «Ленин на хозяйственном фронте», книгу на иностранном языке, общую переписку с норвежской фирмой «Оркла», договор медно-серного комбината с фирмой «Индустри - Методер», чертеж с подписями на иностранном, папку с документами зарубежных фирм, конверты с письмами от Пятакова - первого заместителя Серго Орджоникидзе. Имя Пятакова носил когда-то наш развед.

За описью изъятых документов шла анкета арестованного, из которой следовало:

«Родился 25 ноября 1894 года в городе Киеве.

Социальное происхождение - сын врача. Отец умер в 1912 году.

Социальное положение - служащий. До революции учился, будучи студентом, давал уроки. После революции работаю на различных участках, порученных мне партией.

Образование - высшее, окончил Московский университет, юридический факультет.

Партийность: член ВКПБ(б) с января 1919 года.

Национальность - еврей, гражданин СССР.

В графе «Служба в белых и других контрреволюционных армиях, участие в бандах и восстаниях против власти» стоят два слова: «нет» и «не было».

Каким репрессиям подвергался при Советской власти (судимость, арест)? *Нет, не было.*

Состав семьи: *жена Елена при мне, мать Елизавета Кудиш. Брат Александр - рабочий кооперации. Сестра - служащая.*

Следом за анкетой - выписка из протокола заседания бюро обкома партии за подписью секретаря обкома Горкина:

9 апреля, 1937 год.

Слушали: «Утверждение резолюции о вредительско-диверсионной деятельности троцкистов на «Ормедьзолото».

Постановили: «Признать установленным, что начальник «Ормедьзолото» Кудиш организовал вредительскую диверсионную троцкистскую группировку и проводил на стройке и руднике вредительство, направленное на затяжку пусковых объектов. Эта преступная деятельность выражалась в авариях с человеческими жертвами и запутывании проектно-сметного дела, учета и отчетности, в саботаже мероприятий по охране труда, технике безопасности, противопожарной охраны, в противодействии стахановскому движению, в игнорировании культурно-бытового обслуживания рабочих, в создании резких перебоев в снабжении хлебом и топливом.

Кудиш скрывал вредительство, очковтирательскими данными о якобы успешном ходе строительства. Кудиша, в настоящее время арестованного органами НКВД, из партии исключить».

И снова - никаких конкретных доказательств его вины. Арестованный во всем признается сам. Так свидетельствуют протоколы допросов. Это теперь нам известно, что под действием пыток люди вынуждены были ставить подписи, «признаваться» в делах, которых не совершали, что авторы судебных сценариев по указке сверху старались заводить уголовные дела не на отдельных лиц, а на группы, искусственно формировать контрреволюционные организации.

Да, теперь известно, что руководство управления НКВД требовало от подчиненных сотрудников обязательного включения в протоколы фактов диверсионных и террористических действий.

Вот почему с первых допросов Б.Ю.Кудиш якобы признается в том, кого он «завербовал», кого вовлек в тайное общество главный инженер П.П.Евангулов, кого – заместитель главного инженера Г.К.Маковский, кого - главный инженер рудника Б.А. Шейкин, какую диверсионную работу они проводили...

Я знала, что все эти акты допросов - злой умысел, что никакой троцкистско-фашистской организации в области не было, что Кудиш и все арестованные на «Ормедьзолото» - жертвы произвола Сталина, который не простил Пятакову его былой принадлежности к троцкизму. А поскольку комбинатское руководство было с Пятаковым часто в контакте, более того, стройка и станция носили имя первого заместителя Наркома тяжелой промышленности Г.Л.Пятакова, много делавшего для «Ормедьзолота», то нелюбовь вождя легла и на руководство нашей стройки. И все же иногда пробегал озноб: правдоподобным казалось написанное. Как же это страшно, когда «талант на службе у порока». Порочное искусство становится убийцей!

Из протокола допроса Кудиша от 8 апреля 1937 года:

«- Какую ориентировку общих задач троцкистской организации, ее перспектив и методов Вам дал Пятаков?»

- Он мне не рассказывал о троцкистской организации, ее составе, конкретных целях и методах работы, но он говорил о сталинском режиме. О том, что он непрочный, что все равно международное положение таково, что существующий у нас режим будет раздавлен ходом событий, и что необходимо готовиться к этому. Пятаков говорил, что кадры троцкистской организации растут, что они достаточно сильны. Но состава и центра троцкистских организаций он не назвал. После этой беседы я понял, что он, Пятаков, является руководителем всех этих организаций у нас, в стране».

Похоже, такого обобщения не хватало к делу о Пятакове. И его добились, сфабриковав дело по «Ормеди», сочинив «признание» Кудиша.

По записям протокола допроса признание обрастало все новыми и новыми фактами, Кудиш заявляет, что он - глава троцкизма на «Ормедьзолото». В протоколе - подпись Кудиша, не очень похожая на ту, что имеется в музее истории на приказе о поощрении геологической партии О.О.Мамедова, пробившегося к залежам меди.

«При каких обстоятельствах Вы были завербованы Пятаковым? (Из протокола допроса)

- В июле 1935 года по возвращении моем из Скандинавии (Швеция, Норвегия), куда я ездил для подписания договора с фирмой «Оркла», Пятаков принял меня в кабинете и, выразив полное удовлетворение результатами моей поездки за границу, подробно осведомившись о моих впечатлениях о заводе «Оркла» и об обстоятельствах подписания договора, перешел на разговор о том, что сейчас крайне желательно иметь своих людей, расставленных на основных хозяйственных участках. При этом он добавлял, что своим он считает и меня».

Это - традиционный прием разработки сюжета заговора. И, действительно, уже 10 апреля 1937 года в протоколе допроса заговор раскрывается: *«Пятаков меня информировал, что установлен контакт с лидерами правых: Рыковым, Бухариным, Томским, которые тоже участвуют в заговоре по подготовке государственного переворота. Директива Пятакова: всеми мерами содействовать интервенции фашистских государств против СССР, чтобы с их помощью прийти к власти. Пятаков убеждал, что только фашизм может помочь в борьбе за власть».*

Авторы судебного сценария крепко повязывают ниточкой замнаркома и преданных ему людей.

На том же допросе Кудиш признается в том, что Пятаков дал ему прямую установку вредительского порядка: создать диспропорцию во времени между горной и металлургической частью комбината, приостановить строительство опытного завода, не устранять технические неполадки на руднике, производить взрывы, обвалы, затопления шахты. Словом, к политике клеветники НКВД подтягивали экономику и шпионаж.

«В период войны я должен был коротким диверсионным ударом вывести из строя объекты на Бляве. Для этой цели я должен был подготовить кадры диверсантов, преданных троцкизму».

Но последующее его признание никак не стыкуется с предыдущим. Перемудрили авторы-очернители.

«Фирма «Оркла» имеет основные связи с германским капиталом и в случае войны получит в концессии Блявинский завод. Обладая большой производственной мощностью, фирма вступит в борьбу за пере распределение серных рынков».

А дальше - протоколы допросов обвиняемых по делу «банды» Кудиша: Евангулова, Маковского, Шейкина, Самсонова, Веткасова, Разумовского, Мерца, Цивина, Трошко, Пароняна, Константиновского и других. И все в один голос безоговорочно признают себя виновными... в пожарах и затоплениях, которые

Рис. К. Слепцова

случались на шахтах (как теперь уже известно) по причинам нарушения техники безопасности. А еще потому, что в блявинской руде содержалось 40 процентов серы, руда вспыхивала порой от удара кайла или лома, от трения креплений о бревно.

Главному строителю Кузьмину-Караваеву вменялась в вину «застройка горняцкого поселка такими домами, куда горняки отказывались все лезть на второй этаж, предпочитая ютиться в саманных мазанках и землянках». (От долгожителей Ракитянки я потом узнала: не хотели вселяться в двухэтажные дома, коммунальные квартиры только те, кто держал скот: корову, овец, свиней).

Кузьмина-Караваева и архитектора Малышева обвиняли в том, что они «ухитрились спроектировать часть домов фасадом на выгребные ямы». Но в этих плохо спроектированных и построенных домах до сих пор живут люди: внуки и праправнуки первостроителей.

«Вредительскую директиву Пятакова рьяно осуществлял Кузьмин Караваев, доведший дело до того, что песок, известь, гравий, камни подвозили по железной дороге за десятки километров».

Обвинения, обвинения, обвинения... Они кажутся уже бесконечными. И после каждого допроса притягиваются все новые имена «врагов народа»: уполномоченный от Наркомтяжпрома СССР по Орско-Халиловскому району Сергей Миронович Франкфурт, начальник ИНО Наркомтяжпрома Биренцвейг и другие. Самые тяжелые обвинения, конечно же, на тех, кто имел контакты с представителями зарубежья. А поскольку чаще других за границей бывали Кудиш, Маковский, Шейкин, то вокруг них завязываются сюжеты, достойные детектива.

После визита Карлсона на Бляву

Карлсон - один из инженеров фирмы «Оркла», побывавших в 1935 году в Бляве. А вообще-то их приезжало тогда трое: еще и инженер Берлинг, директор фирмы Ленандер. Приехали на переговоры относительно цены за технологию, за патент и за обучение специалистов. Сам факт контакта с капиталистами удобен для зацепки. И зацепились, обвинили Маковского во взятке в сумме 1000 шведских крон за передачу секретных данных о Блявинском месторождении, о медно-серном комбинате и Чимкентском свинцово-плавильном заводе, где работал раньше. Впрочем, не обвинение, признание Маковского. Берлинг, по словам Маковского, - политический агент, озлобленный против Советского Союза. Он потерял в результате революции большое количество акций и предприятий на территории России. И во время поездки в Бляву потребовал от Маковского секретных данных о запасах природных кладовых. А еще Маковский «признается», что сознательно не получил от фирмы сводных монтажных чертежей. Их с опозданием пришлось разрабатывать в СССР, хотя должен был получить чертежи от фирмы. А дальше - сюжет еще круче: пособничество троцкистам.

Из протокола допроса следует: «По заданию Пятакова начальник ИНО Наркомтяжпрома, Беренцвейг, через которого заключались все валютные операции, договорился об окончательной цене за «Оркловский» пакет». Он позвонил Пятакову из Стокгольма и сообщил, что фирма соглашается с ценой в 1 миллион 250 тысяч крон. Но Пятаков дает указание по телефону дать 1 миллион 500 тысяч крон. Для чего он переплачивает? Для того, чтобы через «Оркла» передать часть суммы троцкистским организациям за границей. И «члены Блявинской троцкистской группировки» в этом признаются чистосердечно.

«При размещении заказа на северные электрофильтры Пятаков переплатил 75 тысяч крон с тем, чтобы эти средства перешли в распоряжение Троцкого и его зарубежных организаций для троцкистской работы».

37-й год... Вспомним, в том же году почти по такому же сценарию безоговорочных признаний в шпиона-

же, диверсиях прошел судебный процесс над военачальниками высочайшего ранга - Тухачевским, Якиром, Уборевичем, Корком, Эндеманом, Фельдманом, Примаковым, Путной, не раз доказавшими на полях сражений преданность Родине. Но и они были обвинены в «заговоре» и в июне 1937 года расстреляны. В том же году расстрелян молодежный генсек Александр Косарев и еще тысячи умных, преданных, но оклеветанных...

Первостроители комбината «Ормедьзолото» и пионеры разработки рудника 1935-1936 годов

Кстати, в Наркомтяжпроме первой жертвой стал Серго Орджоникидзе. Он, пытавшийся защитить Пятакова и многих работников своего ведомства, попадает в немилость Сталина, и вскоре арестовывают старшего брата Орджоникидзе, Павла Папулию, затем - Валико, другого брата. Валико он защитил, чем еще больше настроил против себя Сталина.

Многие открывшиеся сегодня документы говорят о том, как Орджоникидзе старался притормозить волну репрессий, он пытался доказать, что они дезорганизуют производство. Он, один из самых популярных вождей в партии в 30-е годы, требовал экономических и технических экспертиз по материалам, сфабрикованным НКВД, и...сам стал одной из первых жертв. В феврале 1937 года С.Орджоникидзе был убит, потому что Сталин видел в нем потенциального конкурента.

Медногорцы до сих пор чтят память смелого наркома. В честь него названа одна из самых красивых улиц городского центра. Многие годы у кинотеатра «Урал» стоял серебристый памятник - скульптура Серго Орджоникидзе в полный рост.

«Авторитарность страшнее СПИДа!»

Так утверждают сегодня историки, анализирующие время сталинских репрессий.

Это теперь мы знаем, что удержаться у власти правительство того времени могло лишь с помощью самых жестоких запугиваний. Первая и вторая пятилетка не принесли обещанных результатов, народ не стал жить лучше, напротив. А миллионы бедствующих, обиженных, пострадавших от революции - потенциальные враги, которые могли поднять головы. Вот и срывали головы всем, кем были хоть чуточку недовольны, всем, в ком виделись конкуренты.

Теперь мы знаем о Гулаге, с помощью которого строились важные объекты пятилеток. Ведь заключенные - дармовой труд в государственном хозяйстве. Теперь мы знаем, что на каждую область спускались планы на отстрел, поощрялось доноительство и наговоры. Неужели в истории повторится подобное?

В музее Медногорского медно-серного комбината, 1994 г.

Жертвы планов отстрела

Первым из «банды Кудиша» был приговорен к высшей мере наказания Бронислав Юльевич Кудиш. 21 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение в городе Оренбурге. Место захоронения неизвестно. Скорее всего, в Зауральной роще, где до сих пор находят порой простреленные черепа. Здесь был когда-то объект № 1 - место расстрела репрессированных. В 1993 году на этом месте поставлен памятник в виде сваленных в кучу камней, над которыми высится крест. На памятнике - слова: «Вам, великомученикам, безвинно расстрелянным в годы сталинских репрессий и погребенным здесь - вечная память!»

Вторым из комбинатских великомучеников был расстрелян **П.П.Евангулов**.

Потомственный дворянин. Рожденный в Петрограде в 1891 году, он учился в Петербургском горном институте (до 1917 года) и одновременно работал в Бодайбо на Ленских золотых приисках, в Акционерном обществе Кузнецких каменноугольных копей. Проектировал и руководил строительством шахт Кемеровского рудника. С 1919 года - в главном управлении горной промышленности при ВСНХС, заведующий секцией горного Совета ВСНХ, начальник горного сектора Наркомата внешней торговли, технический и коммерческий директор, главный инженер «Алтайполиметалла». Руководил добычей цинковых и свинцовых руд.

До приезда в Бляву имел двадцатилетний опыт работы в цветной металлургии. Это он, от природы очень талантливый, широко образованный, изобрел лампу накаливания с двумя нитями. Владел в совершенстве тремя иностранными языками: английским, немецким, французским. Ему не требовался переводчик во время поездок за границу с целью изучения технологии медно-серного производства. Он был большим авторитетом в «Ормедьзолото». Являлся душой и талантливым руководителем мозгового центра новостройки. Музыкант. Играл на скрипке, фортепиано, радовал первостроителей своим участием в концертных программах, нес искусство в массы. Увлекался шахматами, конным спортом. Обладал чувством юмора и имел огромную работоспособность, которая позволяла ему в короткие сроки выдавать проект за проектом: на строительство шахты, корпусов металлургического и химического цехов, железной дороги, Сакмарского водовода, жилых домов, школы и аптеки, больницы.

Расстрелян 22 сентября 1937 года в Оренбурге по приговору «тройки».

Заместитель главного инженера МСК **Георгий Константинович Маковский**.

Рожден в Петрограде 24 сентября 1901 года в семье известного художника Маковского. Он - сын и внук художников-живописцев, из дворянского рода. Выпускник горного института, инженер-металлург по цветным металлам.

В материалах дела есть справка о приведении в исполнение его смертного приговора, датированная 22 сентября 1937 года. Но жена Маковского получает свидетельство о его смерти в 1945 году в Орской тюрьме. Кому верить?

Главный инженер Блявинского рудника «Ормедьзолото» **Борис Андреевич Шейкин**.

Рожден 26 мая 1903 года в городе Шахты Северокавказского края, в семье служащего. Отец - народный учитель, заведовал ремесленной школой. А сын педагога стал горным инженером, метростроевцем.

Георгий Константинович
Маковский

инженером, метростроевцем.

На ударную стройку приехал по направлению из столицы. Газета «Оренбургская коммуна» когда-то писала о Б.А.Шейкине: «Забойщики штольни, работающие под руководством метростроевца Шейкина, в два с лишним раза перекрыли всесоюзный рекорд, доведя проходку штольни до пяти погонных метров в сутки!»

И таких людей запятали?! Расстрелян...

Павел Павлович Евангулов

Борис Андреевич Шейкин

Протесты, жалобы в МВД

Во многих делах о репрессированных - письма их жен, родственников. Сколько в них человеческой боли, трагизма! И несомненной веры в то, что их близкие люди - честные граждане своей страны. Эта вера заставляла их бороться, стучаться во все инстанции.

Анна Ивановна Паронян, жена бывшего инженера Блявинского рудника, находилась в Тбилиси, когда узнала, что ее муж, работающий в «Главзолото», арестован в столице, кинулась на его поиски. В Москве не нашла дорогого ей человека. Кто-то подсказал ей, что ее супруг - горный инженер - возможно, в оренбургской тюрьме. И она едет в Оренбург, чтобы добиться свидания, передать мужу теплые вещи.

Арменак Николаевич Паронян (1889-1937)

«Но, когда я пришла в тюрьму, мужа мне не показали, а меня арестовали, - писала она в письме Председателю Совета министров СССР в 1955 году. - На вопрос о причине моего ареста ответили: «За мужа, вредителя и шпиона!» Это на меня так подействовало, что случилась травма мозга.

Я была в лагере арестованных жен. Смириться с мыслью, что мой муж - враг народа, не могла, была уверена, что это - наговор! В знак протеста я вскрывала себе вены, потом через время облилась керосином и подожглась. Меня, обгоревшую, отправили в оренбургскую тюремную больницу. Когда я поправилась, меня отправили к «бытовикам», уголовникам, где надо мной издевались.

В лагере я все время болела. Через пять лет меня выпустили. Я поехала к родителям мужа в Горис, так как других родных уже не имела. Наша единственная дочь умерла еще в 1932 году. Все эти годы мы с матерью мужа кое-как жили. Получала я, имеющая 12 лет педагогического стажа, 40 рублей. У меня - общий склероз и больное сердце. Недавно мать мужа умерла. Я, узнав, что имею право на получение пенсии за мужа, решила обратиться к Вам с просьбой о зачислении меня на пенсию мужа. До ареста он работал старшим горным инженером в «Главзолото», а до этого - на руднике Блява, где заболел ревматизмом ног, долго лечился в Москве, потому и перешел в «Главзолото». 11 мая 1937 года был арестован. Причина ареста до сих пор неизвестна.

А вот еще не менее потрясающие документы из архива контрразведки:

«Главному Военному прокурору от Фани Марковны Разумовской.

Мой муж Нисон Наумович Разумовский, будучи специалистом по лесному делу, работал начальником лесного отдела комбината «Ормедь». Военной коллегией мой муж был осужден к 10 годам лишения свободы. По справкам военной прокуратуры мне известно, что муж мой умер в 1939 году, 14 декабря. С 13 лет он трудился, имел 30-летний стаж по специальности, на работе всегда поощрялся, имел благодарности. Он был предан Советской власти. Четверо наших детей, которых я поставила на ноги, тяжело переносят потерю отца, зная его безупречную жизнь, преданность делу. Прошу Вас принести протест для отмены приговора мужу и посмертно его реабилитировать, так как он ни в чем не виноват. Снимите незаслуженное пятно с меня и моих детей».

Нисон Наумович Разумовский (1880-1937)

Этой же рукой написано еще одно письмо Главному военному прокурору - в защиту брата Бориса Марковича Цивина, бывшего директора рудника комбината «Ормедь».

«Он был честный работник и коммунист. Его всегда посылали на «прорывы», самые трудные участки, - писала Ф.М.Разумовская. - И он всегда налаживал работу. Раньше был директором рудников «Черемховуголь», «Москва-уголь», имел не одну благодарности. Он был на фронте в годы гражданской войны. А сын его погиб, защищая Отечество, в 1942 году. Жена брата умерла с горя, так как затравили ее после ареста мужа, исключили из партии, сняли с работы. Прошу Вас отменить приговор и полностью реабилитировать».

литировать посмертно моего ни в чем не повинного брата. 2 августа 1955 года».

До 1956 года **Зоя Федоровна Шейкина** - жена бывшего горного инженера Блявинского рудника - не знала: жив ее муж или нет. А потому продолжала писать письма в соответствующие инстанции. Вот одно из них: «Я верю в честность своего мужа **Бориса Андреевича Шейкина**. Прошу рассмотреть заново его дело, даже если он умер. Его реабилитация будет иметь огромное значение для всех нас, его родственников. И прежде - для его сына, который находится сейчас в рядах Красной Армии. Несмотря на неоднократные запросы, я ничего не получала, кроме одного ответа в 1949 году: “Осужден на 10 лет дальнo-северных лагерей без права переписки”. А ведь прошло уже более десяти лет».

В борьбу за восстановление честного имени **Георгия Константиновича Маковского** - бывшего заместителя главного инженера «Ормеди» - вступили его жена и дочь. «Я уверена, что мой отец был честным гражданином и патриотом Родины. О причинах ареста отца нашей семье сообщено не было. В 1945 году отец умер в заключении в городе Орске Чкаловской области. Мы получили свидетельство о смерти от 12 марта 1945 года».

Читая эти строки, я запнулась, пришла в недоумение: где же истина? Г.К.Маковский умер в тюрьме или расстрелян в 1937 году, в сентябре? Ведь в деле Маковского есть справка о приведении в исполнение приговора к высшей мере наказания - расстрелу, мы ее видели.

Из письма Нины Александровны Маковской, жены Георгия Константиновича, мы узнали о том, что она пострадала: 8 лет провела в исправительно-трудовых лагерях. Освобождена в 1945 году, как инвалид (контрактация четырех пальцев левой руки). А дальше - еще хуже: реактивный психоз, четыре месяца в психиатрической больнице. После нее Нина Александровна умоляюще просит Прокурора СССР ускорить решение по реабилитации ее и ее мужа. Ей не хочется умирать обвиненной в тяжком грехе, которого не было.

Приговорены к высшей мере

Алексей Иванович Веткасов (1900-1937), строитель, “Ормедьзолото”. Расстрелян. Реабилитирован посмертно

Алексей Григорьевич Константиновский (1895-1937), бригадир подземных работ Блявинского рудника. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно

Николай Фридрихович Мерц (1902-1937), претензионный уполномоченный техснаба на строительстве Блявинского медно-серного комбината “Ормедьзолото”. Расстрелян в Оренбурге. Реабилитирован посмертно в 1957 году

А.А.Самсонов (1892-1937), начальник планового сектора “Ормедьзолото”. Расстрелян. Реабилитирован

Г.М.Трошко (?-1937), помощник начальника по быту, строительство “Ормедьзолото”. Расстрелян. Реабилитирован

Реабилитация

Ее очень долго пришлось ждать семьям и родственникам репрессированных. Четвертого июня 1957 года, почти через двадцать лет после ареста Бронислава Юльевича Кудиша и его соратников, сослуживцев, Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение под номером 4-н-024030/56 об отмене приговора, прекращении дела о Кудише, так как дополнительным расследованием предъявленные ему обвинения опровергнуты и установлено, что он арестован необоснованно.

И в подтверждение сказанному появляется, наконец, документ (единственный во всем деле!), проливающий свет на прошлую жизнь Кудиша, его заслуги, его образ: справка из Центрального государственного особого архива СССР. Вот некоторые из неизвестных нам прежде фактов, которые приводятся в ней: «Был женат на дочери крупного фабриканта сахарных заводов в городе Киеве - Марголиной. Блондинка. Открыто высказывалась о заслугах большевиков, преимуществе советского строя»... В 1917 году он примыкает к коммунистической партии, становится одним из ярких сотрудников ЧК в Крыму. Затем он - член Советской миссии в Тифлисе. Руководитель Центросоюза в Батуми. В 1921 году является руководителем советской торговой миссии в Константинополе.

По свидетельству документов, Б.Ю.Кудиш проводил коммунистическую пропаганду, создавал коммунистические организации. Провел реорганизацию Компартии в Турции. Являлся одним из организаторов коммунистического Союза молодежи в Константинополе, а также организатором службы коммунистической пропаганды в Месопотамии, Египте, Северной Африке. В 1923 году Б.Ю.Кудиш приезжал из Берлина во Францию на международную ярмарку в Лионе.

Так вот какой интернационалист и преданный идеям социализма человек работал на «Ормедьзолото»! Но он, когда-то всем сердцем принявший этот строй, был им же и погублен...

Вывод экспертной комиссии

Реабилитации предшествовали дополнительные расследования. Опрошены десятки комбинатовцев. Вызваны на допрос работниками госбезопасности члены экспертной комиссии, той самой, которая в 1937 году занималась расследованием деятельности руководства «Ормедьзолота».

Из протокола допроса 20 августа 1956 года инженера-технолога **Сергея Ивановича Белкина**, 1929 года рождения, проживающего в Сибире: «*Экспертная комиссия, созданная в июне 1937 года по инициативе НКВД, состояла из инженерно-технических работников всех отраслей строительства «Ормедьзолото». Каждый член экспертной комиссии работал по линии своего профиля. Периодически комиссии собирались на совещаниях в городском отделе НКВД, которые проводил Медведко. На этих совещаниях докладывались результаты проверки, обменивались мнениями. Комиссия работала около месяца. На основании представленных нами, членами комиссии, материалов было написано заключение экспертной комиссии о проверке строительства медно-серного комбината «Ормедьзолото».*

Факты выявленных нами упущений соответствовали действительности. Но выводы экспертная комиссия сделала неправильно, когда в своих заключениях о причине срыва пуска медно-серного завода назвала это вредительством. Ни я, ни другие члены экспертной комиссии ничего о вредительской или диверсионной деятельности Кудиша, Евангулова не знали и не могли сделать таких выводов. Я никогда не видел и не замечал антисоветской пропаганды со стороны Кудиша. Еще раз заявляю: комиссия не могла сделать таких выводов!»

Из протокола допроса от 20 августа 1956 года главного энергетика Орского комбината **Владимира Владимировича Богословского**, члена технической экспертной комиссии по обследованию энергохозяйства «Ормедьзолота» в 1937 году:

«Я работал в монтажной конторе треста «Орскхалилстрой» прорабом по энергомонтажу, когда мне было предложено принять участие в технической экспертной комиссии. В комиссию входили: инженер-электрик Осиев и электрик Евдокимов. Каждый факт мы проверяли лично. Выезжая на те или иные объекты, разговаривали с рабочими. Тогда беспечность, халатность квалифицировались как вредительство. Для более точного выяснения причин выявленных неполадок комиссия обращалась к сотрудникам НКВД с просьбой разрешить переговорить с заключенными, но нам всякий раз отказывали. У нас не было возможности получения объяснений от лиц, ответственных за тот или иной участок работы, так как они были арестованы. В настоящее время изложенные в акте комиссии факты имели бы другую оценку.»

В те годы было плохо поставлено материально-техническое снабжение, отсюда - затяжки в строительстве. Были сложности с выделением квалифицированной рабочей силы. В отношении заключения экспертной комиссии от 29 июня 1937 года - я не участвовал».

А вот какие показания дал бывший директор медно-серного комбината **Владимир Николаевич Осиев**, 1906 года рождения, город Ленинград (кстати, во время его работы комбинат был пущен): *«Ряд недостатков и ненормальностей в вопросах энергоснабжения были выявлены. Но допущенные неточности во время монтажа могли стать следствием нежелательной ошибки, недостаточной компетенции. Тем более, что все оборудование для ЦЭС заказано по импорту».*

Из протокола допроса от 25 сентября 1956 года экономиста-плановика МСК **Александра Михайловича Мозгунова**:

«Вредительства не замечал. Эксплуатация завода подтверждает прочность всех построенных объектов. Работая в плановом отделе, я не находил никакого вредительства в вопросах планирования, финансирования. Насколько знаю, при Евангулове основное внимание уделялось строительству промышленных объектов. Но строились и жилые дома, бараки, без которых невозможно вести строительство. Должен сказать, что при Евангулове строительство велось более высокими темпами, чем сейчас».

Вопрос из протокола допроса А.М.Мозгунова: - Экспертная комиссия определила размер убытка от вредительской деятельности Евангулова и других в размере 30532,3 тысячи рублей и 280 шведских крон. Что вы скажете на это?

- Нет, такой размер убытка не соответствует действительности. Перерасход средств на строительство был, но он значительно меньше, чем указала экспертная комиссия. Но и этот перерасход средств я не могу назвать вредительством. В строительных организациях часто имеет место перерасход средств. Вот сейчас «Ормедьстрой» допускает перерасход около 1 млн. рублей в год».

О смете. «Старая генсмета была утверждена в мае 1936 года в сумме 202 млн. рублей (вместе с Блявинским рудником). Новая генсмета утверждена в сумме 274 млн. рублей в год. В старой генсмете отсутствовал целый ряд необходимых объектов, без которых не только нормальная эксплуатация, но даже и пуск его невозможны».

Математическими выкладками А.М.Мозгунов опровергает «помощь» троцкистам за рубежом. С уважением он рассказывает и о П.П.Евангулове: «Технически грамотный человек, трудолюбивый. Очень часто оставался работать по вечерам. Мне неоднократно приходилось слышать его выступления, где он проводил мысли о необходимости поиска возможностей, которые бы позволили строить быстро, прочно и дешево. Особое внимание обращал на то, чтобы не было перерасхода средств. Принимал строгие меры к транжирам».

Василий Михайлович Жалкин, техник-геодезист, начальник конструкторского отдела МСК, да такие показания 25 сентября 1955 года: *«Сейчас, после 16-летней эксплуатации завода; видно, что строительные работы велись качественно».*

Иван Федорович Сверчков, председатель завкома, сообщил следствию 2 июня 1956 года: *«Работал на МСК с 1933 года при отделе технического снабжения. Считаю, что строительство шло быстро и никакой подрывной деятельности не велось».*

Бронислав Юльевич Кудиш

Вторая половина пятидесятых... Но кое-кто из тех, кого вызывал в госбезопасность, еще жил страх, испытанный в годы репрессий. Люди опасались: как бы что из их показаний не обернулось против них же. Потому на всякий случай наносился и темный штрих на образ опальных: как бы не обелить лишнего! И кое-кто отмечал, что начальник стройки руководил якобы из кабинета, потому и были просчеты. Другой упрекал Кудиша в том, что он много «гастролировал» по странам (а как же иначе, если зарубежные фирмы поставляли оборудование и нужно было вести с ними переговоры!).

Один из бывших водителей Кудиша рассказал на допросе: «Он заставлял меня пускать в машину рабочих, заявляя: - Напустят мне тут вши потом делай дезинфекцию!»

Б.Ю.Кудиш любил дисциплину, требовал строгого исполнения указаний. По той причине шоферов менял часто. Словом, вылил бывшая личная обида, и, похоже, несколько преувеличенно. Ведь большинство очевидцев Кудиша помнят его уважительным человеком. Хорошо, что мертвые не слышат...

«Восстановление справедливости»

- так называлась публикация, представленная мне одним из работников областной службы безопасности. Это была вырезка из «Комсомольского племени» за 1 июля 1989 года. Она с первых строк заинтересовала неожиданным вторжением в тему, которую прежде обходили: механизм фабрикации дел в годы репрессий. В ней сообщалось: объявленных врагами народа было в области так много, что в НКВД стали прибегать к методу скоростного расследования с применением пыток. Этот метод, по заявлению Сталина, был совершенно правильным и целесообразным. Неужели не нашлось смелых и честных людей из службы НКВД, которые бы противостояли произволу? - возникал вопрос. Публикация давала ответ: *«Находились мужественные люди, которые поднимали голос протеста против насилия над безвинными людьми. Сотрудники УНКВД Д.Ф.Артемов, Г.Ф.Шарапов, И.В.Рыжков восстали против беспредела в правосудии. И были за то жестоко наказаны. Первым был расстрелян Артемов. На 42 сотрудников УНКВД сфальсифицированы материалы как на участников троцкистско-бухаринской группировки. А вскоре 32 сотрудника, участвовавшие в репрессиях, преданы суду. Успенский, Троцкий, Зайцев, Севастьянов приговорены к расстрелу, 9 уволены из органов, 12 наказаны в дисциплинарном порядке. Подобными мерами сталинское руководство пыталось вывести себя из-под удара возмущений, протестов против репрессий, взяло на себя роль защитника народа, свело все к отдельным перегибам в НКВД.*

К тому же, творящей произвол элите не нужны были люди, много знающие о беззаконии, о жестких указаниях «сверху», о генеральной линии чистки общества. Наиболее ярые проводники этой политики тоже стали жертвами.

В деле о «банде» Кудиша на многих документах стоят подписи работников НКВД - Троцкого, Севастьянова. Они расстреляны. Выстрелы в безвинных ударили рикошетом по тем, кто в них стрелял. Справедливость восстановлена. Да только какой ценой? ».

Кстати, до сих пор о многих репрессированных руководителях «Ормедзолото» еще не известно. Ко многим архивным документам мы не сумели прикоснуться. Материалов о Кузьмине-Караваеве, К.И.Дуке не оказалось в федеральной службе контрразведки. Возможно, они в Москве, в Госархиве.

Начальник подразделения федеральной службы контрразведки по Оренбургской области, подполковник Олег Степанович Матафонов, уважительный и внимательный к просьбам, обещал помочь в поиске архивных материалов о блявинских интеллигентах, чьи судьбы нам еще не известны.

Всякий раз, переступая порог дома на перекрестке улиц Кирова и 9 Января, дома, где еще в 30-е годы размещалось отделение НКВД, чувствую легкий озноб: сколько горя, слез, мук видели эти стены, сколько страха, отчаяния пережито в этих кабинетах с высоченными, давящими своей мощью, дверями и потолками. Сколько стонов раздавалось там, в подвале, где когда-то находились камеры для подсудимых. И всякий раз мысленно молю о том, чтобы однажды пережитое здесь тысячами наших земляков не повторилось. И чтобы симпатичным, крепким, деликатным, воспитанным людям, встречающимся мне на пути в архив в больших и длинных коридорах службы, никогда не довелось выполнять госзаказ на отстрелы людей - мишеней провокационных кампаний.

Журналистка Людмила Михайловна Янина за работой в архиве контрразведки, 1994 г.